

УДК 821.161.1.09"18"
ББК 83.3(2=411.2)52-446

ПРОГРАММНЫЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ КАК ТИПОФОРМИРУЮЩИЙ ФАКТОР «ТОЛСТОГО» ЖУРНАЛА

(Статья первая)

О.Г. Шильникова

Введено понятие «программные литературно-критические публикации» журнала. Выявлена их роль в продуцировании концепции художественности, формировании общественной позиции, коммуникативных стратегий изданий первой четверти XIX века. Рассмотрено значение программных текстов в индивидуализации, интеграции и концептуализации журнального контекста как единого феноменологического пространства.

Ключевые слова: аудитория, программные тексты, литературный журнал, литературная критика, журнальный контекст, функция, программирование.

Понятие «программная статья» не ново. Оно часто используется в литературоведении для обозначения тех работ, в которых наиболее полно представлены теоретические основания и методологические подходы того или иного литературного анализа либо концептуально изложены принципы нового художественного направления, своеобразии творческой системы определенного писателя.

Категорию программности литературной критики в качестве определенной научной дефиниции ввел М.Г. Зельдович, имея в виду способность критики «в ходе решения своих творческих проблем, на основе анализа и осмысления (когда требуется – и более или менее широкого теоретического обобщения) отдельного произведения, творчества писателя, логики, тенденций, закономерностей литературного процесса данного (а когда требуется – и предшествующего) времени определять задачи и перспективы литературного развития» [5, с. 77]. При таком широком подходе программность предстает как один из существенных атрибутивных признаков литератур-

ной аналитики, которым обладают практически любые критические тексты.

Не игнорируя литературоведческого значения термина, в дальнейшем мы несколько сужаем содержание данной категории и рассматриваем в качестве программных литературно-критических публикаций лишь тексты, имеющие реальный прогностический потенциал, то есть преднамеренно, с определенной целью формулирующие перспективы развития литературы, критики, литературно-художественного журнала в целом.

Идентификация и классификация программных литературно-критических публикаций «толстого» журнала – насущная научно-практическая задача. Ее важность обусловлена несколькими обстоятельствами

Несмотря на то что программные материалы являются важнейшим компонентом «толстого» журнала, позволяющим аргументированно судить о профиле и литературной политике издания, в теории и истории журналистики вопрос о жанровом составе, структурно-содержательных особенностях программных публикаций в связи с их журнальными функциями до сих пор не поднимался. В научной практике подобная теоретическая лакуна, к сожалению, может приводить к досадным фактическим недоразумениям, к искажению позиции и значимости конкретных

печатных органов в историко-культурном процессе. Так, в одной из последних работ о поэтике «толстых» журналов 30–70-х годов XIX века утверждается, что в «Московском телеграфе» Н.А. Полевого, вопреки романтической ориентации редактора, отсутствовали рассуждения о журналистике, об эстетической значимости журнала, а роль программных манифестов выполняли откровенно примитивные или сатирические тексты. К сожалению, оказался не замеченным автором целый ряд таких работ Н.А. Полевого, действительно программных для журнала и всей русской журналистики той поры, как, например, «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские» (Московский телеграф. 1831. Ч. 37. № 1. С. 76–94), Кс.А. Полевого «О направлениях и партиях в литературе» (Московский телеграф. 1833. Ч. 51. № 12. С. 594–611), «Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года» (Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 2. С. 203–232) или программных для Н.А. Полевого-романтика проблемных статей, посвященных творчеству В. Гюго (Московский телеграф. 1832. Ч. 43. № 1–3). К тому же наблюдения показывают, что программные материалы, в силу стоящих перед ними специальных целей, крайне редко облакаются в сатирические жанровые формы.

Исторически сложилось так, что русская критика всегда занималась определением перспектив дальнейшего литературного развития и путей собственной эволюции. Однако манифесты, излагавшие принципы той или иной новой литературной школы, стали появляться отдельными изданиями – сборниками манифестов, книгами (А. Белый. «Символизм», 1910), брошюрами (Д. Мережковский. «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», 1893), предисловиями к сборникам художественных текстов (В. Брюсов. «Русские символисты», 1894, 1895) – лишь на рубеже XIX–XX веков. В течение XIX века критические работы выходили отдельными книгами крайне редко. В качестве немногочисленных примеров можно назвать предисловия П.А. Вяземского к «Кавказскому пленнику» (1822) и «Бахчисарайскому фонтану» (1824) А.С. Пушкина, очерк В.Г. Белинского «Николай Алек-

сеевич Полевой» (1846), брошюру К.С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (1842), работу И.С. Аксакова «Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк» (1874). Однако почти всегда для этого имелись какие-то веские дополнительные основания – личная просьба Пушкина, которому понравилась трактовка его романтических поэм именно П.А. Вяземским, отсутствие у славянофилов на тот момент своего печатного органа, литературно-общественная значимость фигур Н.А. Полевого и Ф.И. Тютчева.

В целом логика развития отечественной критики была такова, что она не функционировала в культурном поле как некий абсолютно самостоятельный и независимый компонент, но была содержательно, организационно и «топонимически» тесно связана с конкретным журнальным изданием.

Журналы, в свою очередь, в течение всего XIX столетия были центрами консолидации сил определенной общественной и художественной ориентации. В литературном журнале именно критика функционально отвечала за выработку и экспликацию для аудитории общего направления и художественной концепции издания в целом. Конкретные историко-журналистские исследования со всей определенностью свидетельствуют, что мощными факторами влияния на становление программности являются именно журнальный контекст и публичный способ существования критики в рамках периодической печати. Поэтому вполне закономерно и даже необходимо рассматривать программные критические выступления с учетом того, какое место они занимали в журнальном контексте и как это обстоятельство влияло на их содержание, идейную направленность и композиционно-стилистические характеристики. Более того, функционирование критики в контексте печатного органа, который имеет единое направление и проводит согласованную журнальную политику, усиливало и развивало способность критики к программированию. По сути, это качество и сформировалось под самым непосредственным влиянием журнальной формы.

Содержательный вектор программирования в журнале задает сама структура крити-

ческой рефлексии, которая в соответствии с ведущими целями и условиями функционирования данного вида деятельности представляет собой единство диффузно взаимопроникающих и равнозначных компонентов: философско-эстетического, оценочно-прагматического и публицистического. С их помощью автор продуцирует целостную концепцию художественности, где оценка эстетических свойств произведения (традиционно опирающаяся на категорию прекрасного) является лишь частью более широкой интегральной художественной оценки. Поэтому «в критике имеет место художественный авторский идеал, который вбирает в себя помимо эстетических также ценностные (нравственные, политические, религиозные), познавательные и утилитарные ориентиры личности в их вершинном (совершенном, идеально-образцовом) варианте» [11, с. 150]. Именно художественный идеал критика и есть отправная точка программирования как одна из форм литературно-критической деятельности¹.

Программные идеи могут быть представлены в критическом тексте разными способами: заявлены автором-критиком прямо или «растворены» во всех значимых компонентах и конечном концептуальном смысле работы. На основании того, каким способом представлена программность в критическом тексте, М.Г. Зельдович считает возможным выделить несколько вариантов ее формального выражения².

Аналитическая программность воплощается в конкретных разборах и анализах. Она опирается на рассмотрение репрезентативных слагаемых литературного процесса: отдельного художественного текста, творческой индивидуальности, стилевых тенденций эпохи. Автор отстаивает одни и отвергает другие критерии художественности в ходе практической демонстрации своих теоретических принципов. Исходя из предлагаемой нами содержательно-функциональной модели критики, этот вариант можно рассматривать как операционный уровень оценочно-прагматического дискурса литературной критики. *Теоретическая генерализация*, то есть осознанное, систематизированное и сформулированное в виде прямых теоретических обобщений прогнозирование литера-

турного развития, дает публике более ясное и наглядное представление о том, как видится критику будущее искусства. Третий вариант программности обусловлен постоянным стремлением критики к *теоретической саморефлексии*, без чего невозможно ее нормальное функционирование и осуществление своего общественно-литературного призвания. Эта интенция находит выражение в выработке критикой системы воззрений на собственную сущность, задачи, творческие принципы, шкалу своих оценочных критериев.

Очевидно, что в своих рассуждениях М.Г. Зельдович исходит из теоретического посыла о критике как абсолютно самостоятельной форме литературной жизни. Соответственно он справедливо выделяет два вектора прогностической деятельности критики – программирование литературного процесса и путей развития самой критики.

В то же время, если рассматривать критику в качестве части периодического издания, оказывается, что в журнальном дискурсе за программными критическими материалами закреплено еще несколько важных функций и обусловленных ими направлений программирования. Проанализируем эти направления с учетом условий их формирования в динамичном, нестабильном, подверженном влиянию разнонаправленных факторов актуальном информационном и социокультурном пространстве.

Программные публикации помогают изданию *индивидуализировать свой облик среди других органов СМИ*, а публике – вполне ясно представить отличительную «физиономию» журнала в целом. Этот эффект возникает, если в критическом тексте происходит обоснование специфического, отличного от других изданий, литературного направления, репрезентация типологической структуры издания (например, подписка на «Московский журнал» в «Объявлениях» Н.М. Карамзина), заявление о сотрудничестве в журнале авторов определенной идейной или эстетической ориентации, обоснование тематических или жанровых предпочтений редколлегии и т. п.

Так, созданный в 1818 году членами «Вольного общества любителей российской словесности» «Соревнователь просвещения и

благотворения» (1818–1825), как и многие современные ему журналы, вначале не имел четкого выраженного направления. И оттого «в первый год издания “Соревнователь” был довольно бледным журналом», – отметила В.Г. Березина [1, с. 66]. Редакция подчеркивала, что ее авторы – это частные лица, чье мнение может не совпадать с позицией членов Общества. Но в 1819 году к руководству журнала пришли представители левого крыла декабристского движения. В нем начинают активно печататься Ф.Н. Глинка, К.Ф. Рылеев, А.А. и Н.А. Бестужевы. С этого времени происходят изменения в общей политике издания: оно целенаправленно стремится стать проводником декабристской идеологии.

Однако изначально «Соревнователь» был задуман как журнал научно-литературный. Отсюда возникла необходимость гармонизировать политическую и литературную линии журнала. Эти обязанности берут на себя, прежде всего, выступавшие в журнале критики, которые, используя теоретическую генерализацию и отчасти аналитические формы выражения программности, в своих публикациях обосновывают эстетические принципы гражданского романтизма, тем самым ценностно маркируя и актуализируя в литературном поле проблемные зоны, принципиально важные для выработки декабристской идеологии.

В 1823 году печатается цикл программных для журнала критических статей О.М. Сомова «О романтической поэзии» (№ 7, 8, 9, 11). Свои исходные установки автор формулирует в философско-эстетическом дискурсе, опираясь на теоретические трактаты А.Л.Ж. де Сталь – «Опыт о художественном творчестве» (1795), «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» (1800), «О Германии» (1810). О.М. Сомов противопоставляет классицизм (имея в виду французский классицизм Нового времени и специально предупреждая: «не должно смешивать классическую поэзию французов с классической поэзией древних греков и римлян») и романтизм как новое, единственно плодотворное и истинное направление творчества. Он сравнивает ряд европейских литератур и художественный опыт представителей современной русской поэзии (Жуковского и раннего Пушкина) и выделяет несколько типологичес-

ких черт, которые, по мысли критика, и являются признаками настоящего искусства, то есть формулирует свою «идеальную» оценочную парадигму.

Критик подчеркивает, что развитие изящных искусств не должно быть стеснено правилами, строгого соблюдения которых требуют приверженцы поэзии классической. Он предупреждал, что «поэзией романтической» станет называть «новейшую поэзию, не основанную на мифологии древних и не следующую рабственно их правилам». Поэзия должна основываться на творческой свободе и быть выражением своенравного и непредсказуемого воображения поэта. «Дух поэзии» – это «чистый восторг», «быстрое пламя огня небесного». Безусловная прелесть поэзии «состоит в новости, в неожиданности мыслей, картин, положений, драматических выражений, которыми поэт тем сильнее поражает наше воображение, чем менее мы были к нему приготовлены». Истинная поэзия должна растрогать и пленить читателя, вознести его душу «в страну очарований, в мир духовный!» [8, с. 235].

Однако следует отметить, что данные эстетические установки не были открытием О.М. Сомова. Они являлись общими для критиков всех направлений романтизма методологическими посылами, еще раньше сформулированными, к примеру, в работах В.А. Жуковского «О нравственной пользе поэзии» (1809), «О басне и баснях Крылова» (1809), «Радамист и Зенобия» (1810), «О поэзии древних и новых» (1811) и К.Н. Батюшкова «Нечто о поэте и поэзии» (1815), «Речь о влиянии легкой поэзии на язык» (1816).

Программное для журнала значение трактата О.М. Сомова состояло в том, что автор не просто ввел в оборот принципиально важное для декабристской эстетики и идеологии понятие «национального духа», но сделал акцент на народности и неподражательности искусства как главных условиях успешного развития любой национальной литературы³. С этой точки зрения, пример для подражания – поэзия древних греков и римлян, поскольку она соответствует духу народа, который ее принял, она «жива и пламенна, ибо живописует их нравы, образ жизни и господствующие понятия того времени. <...> В каж-

дом писателе, особенно в стихотворце, как бы невольно пробиваются черты народные» [8, с. 264], поэтому истинный национальный поэт любим не только знатоками, но и простыми людьми, так как выражает понятные и близкие каждому чувства.

Чрезвычайно важно, что О.М. Сомов сделал новый шаг в методологии анализа литературных явлений. Эстетические категории народности и неподражательности функционируют в тексте не только в философско-эстетическом, но и в оценочно-прагматическом дискурсе, то есть становятся инструментом и критериями оценки творчества европейских писателей – Корнеля и Ариосто, Шекспира и Шиллера, Кальдерона и Гете, а также Державина, Жуковского, Пушкина. Последнему критик отводит особое место, признавая народность творчества поэта. Ведь именно Пушкин сумел отразить основные черты национального характера и многообразие русской действительности. «Поэт обнял все пространство родного края», изображая и «палящее небо Кавказа», и «хладные берега Балтийские», и «цветущие долины Киевские» [там же, с. 247].

Однако, когда речь зашла о пушкинском гении, идеологические и содержательные критерии дали сбой. Их оказалось явно недостаточно, чтобы показать масштаб художественного дарования и новаторство Пушкина. И О.М. Сомову пришлось «включать» механизмы эстетической оценки. Он обращает внимание на красоту и плавность пушкинских стихов, на то, что «они пленяют и восхищают нас не одними словами новыми, но богатством мыслей, живостью и разнообразием картин» [там же].

Заметим, что далее сам прием «перевода» эстетических категорий в плоскость оценочно-прагматического дискурса с приданием им статуса операционных (а не теоретических) активнее всего культивировался именно гражданскими романтиками.

При таком подходе закономерно выявлялись еще, пожалуй, самые главные для критиков декабристского круга вопросы: каково современное состояние и пути будущего развития русской словесности, может ли она стать народной и самобытной и при каких условиях это произойдет. Методологически

О.М. Сомов решает их не в эстетическом, а в социально-публицистическом смысловом поле. Чтобы создать истинно русскую поэзию, необходимо изучать поэтические памятники русского фольклора, обычаи и предания народов России, искать темы в богатой и полной драматических коллизий русской истории, понимать и чувствовать разнообразный мир родной природы. Критик настаивал, что только интерес к «народному» (национальному) и «местному» может обеспечить прогрессивное развитие русской литературы.

Индивидуализация литературного облика журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» происходила также на уровне оценочно-прагматического дискурса. В своем цикле О.М. Сомов положил начало практической дифференциации различных направлений русского романтизма, уже в следующем, 1824, году поддержанной В.К. Кюхельбекером в программной для декабристского альманаха «Мнемозина» статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (Мнемозина. 1824. Ч. 2). О.М. Сомов, признавая заслуги В.А. Жуковского, одновременно резко высказался против уже появившихся эпигонов поэта. Подражатели, по его мнению, монотонно повторяя чужие образы, темы, мотивы, культивировали в романтизме лишь одну – уныло-элегическую – струю, дискредитировали истинных поэтов: «Что же может быть ограниченнее, однообразнее тех стихов, которыми ежедневно наводняется словесность наша? Все роды стихотворений теперь слились в один элегический: везде унылые мечты, желание неизвестного, утомление жизнью, тоска о чем-то лучшем, выраженные непонятно и наполненные без разбору словами, схваченными у того или другого из любимых поэтов» [8, с. 271].

Оппозицию этому течению должен составить другой романтизм, основные положения которого хотя и не вполне систематизированно и определенно, но все же были сформулированы в программном для журнала сомовском цикле. Важно, что содержательно и стилистически данные положения репрезентированы в социально-публицистическом дискурсе, как это часто происходит в критике с повышенным градусом идеологического наприя-

жения, то есть исходя из интересов не собственно литературного, а национального и общественного развития, с учетом требований современной жизни.

Намечая (программируя) перспективные линии развития русской словесности, О.М. Сомов сосредоточился на экстралитературных предпосылках литературной эволюции. По его мнению, теперь нам нужна такая поэзия, в которой отразились бы основные черты национального русского характера, «славного воинскими и гражданскими добродетелями». Русские должны создать «свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чужих» [8, с. 269].

Заключение цикла О.М. Сомова свидетельствует также о формировании специфических для гражданских романтиков методов репрезентации литературно-критических суждений. Концовка последней статьи выдержана в духе и пафосном стиле работ будущих декабристов и по форме представляет собой программный лозунг, призыв, равно обращенный и к русским литераторам, и к российской публике: «Пусть же в их песнях высокие отсвечиваются, как в чистом потоке, дух народа и свойства языка богатого и великолепного, способного и в самых звуках передавать и громы победные, и борение стихии, и пылкие порывы страстей необузданных, и молчаливое томление любви безнадежной, и клики радости, и унылые отзвы скорби» [там же, с. 271–272]⁴.

Очевидно, все высказанные в сомовском цикле эстетические теоретические установки и конкретные оценки, сформулированные в философском, оценочно-прагматическом и социально-публицистическом дискурсах, коррелировали с литературными взглядами и настроениями издававшегося журнала декабристского круга. Эти же идеи журнал развивал и дополнял в своих материалах, посвященных историческому развитию России, в статьях о видах народной поэзии, в публикациях отделов «Изящная проза» и «Стихотворения», где печатались произведения Ф.Н. Глинки, В.К. Кюхельбекера, К.Ф. Рылеева, А.С. Пушкина, имевшие гражданскую, патриотическую, тираноборческую направленность⁵.

Таким образом, в трактате были продемонстрированы специфические методологи-

ческие подходы и новаторские приемы анализа литературных явлений, характерные для гражданских романтиков. И это обстоятельство уже в 1823 году маркировало специфическое направление «Соревнователя просвещения и благотворения» как журнала декабристской ориентации.

Программные критические материалы могут стать для литературного издания своеобразным *типоформирующим фактором*. Именно такая трансформация, по наблюдениям Б.И. Есина, произошла с «Полярной звездой» декабристов. Альманах, строго говоря, не является органом периодической печати. Однако, благодаря трем программным обзорам А.А. Бестужева, которые открывали книжки альманахов 1823–1825 годов и были к ним своеобразными предисловиями, существенно преобразовался и типологический облик издания.

«Полярная звезда» (1823) начиналась с обзорной статьи А.А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России». «Обзор как бы организовывал всю книжку и был в известном смысле программой издания» [4, с. 31]. В нем критик, по сути, представил первый эскиз своей историко-литературной концепции. Опираясь на историзм как главный методологический тезис и одновременно как принцип осмысления литературного материала, он подвел итоги предшествующего развития русской литературы и кратко оценил множество представителей отечественной словесности за последние пятнадцать лет.

В современном литературоведении бытует мнение, что выступление А.А. Бестужева не могло претендовать на роль программного заявления редакции, поскольку не содержало серьезной литературной концепции, потому что и сам автор, несмотря на свою известность в литературных и читательских кругах, не имел еще к тому времени самостоятельной и оригинальной литературной позиции. В результате «его статья в первой книжке «Полярной звезды» явилась, по сути, довольно поверхностным обзором, перечислением большого количества имен», которые были лишь упомянуты «безо всякой характеристики или просто оценки» [9, с. 298–299]⁶. К тому же статья названа историко-литературным, а не литературно-критическим сочинением. С подобными ут-

верждениями трудно согласиться. Обзор со всей определенностью свидетельствует, что к 1823 году не только теоретические и литературно-критические воззрения, но и методологические принципы представителей гражданского романтизма начинали обретать вполне зримые очертания. В пользу такого положения говорят и выбор проблематики, и бескомпромиссность автора в решении поставленных вопросов, и избранная критиком стратегия анализа литературной ситуации, и, наконец, аксиологическая шкала и конкретные оценки, которые, как и полагается в жанре обозрения, часто предельно лаконичны, но при этом не менее емки и определены.

А.А. Бестужев сосредоточил внимание на трех основных вопросах. Его интересовали культурно-исторические и «политические препоны, замедлявшие ход просвещения» в России; причины «нынешнего», по мнению критика, не слишком благополучного состояния русской литературы; общественные предпосылки дальнейшего плодотворного развития современной ему словесности. Используя приемы стратегического историко-литературного обзора и ценностного моделирования писательских репутаций, все названные проблемы А.А. Бестужев последовательно и неуклонно решал в социально-публицистическом дискурсе. В процессе анализа он активно оперировал внешнеэстетической аксиологической шкалой, в основе которой критерии исторические, политические, нравственно-этические, что и характеризует его устремления как представителя гражданского романтизма.

По сути, в бестужевской статье перед нами четкая программа, изложенная в форме теоретической генерализации. Причем программа не только и не столько литературного, сколько социально-культурного и политического развития. Хорошо известно, что такой подход станет приоритетным для гражданских романтиков. Подтверждением программного характера первого критического обзора «Полярной звезды» служат еще два важнейших обстоятельства.

Во-первых, в других, открывавших книжки альманахов литературных обозрениях – «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» и «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» – А.А. Бе-

стужев повторил, развил и дополнил все принципиальные положения своей первой статьи, обосновывавшие главные свойства и условия формирования новой, романтической, литературной школы.

Во-вторых, в первом обзоре критик перечислил множество имен. При этом более обстоятельная и благожелательная характеристика была дана авторам, ставшим постоянными сотрудниками всех выпусков альманаха, – Пушкину, Жуковскому, Батюшкову, Баратынскому, Крылову, Вяземскому, Рылееву.

Таким образом, нельзя не согласиться с Б.И. Есиным, заметившим, что каждый из программных бестужевских обзоров и вся серия в целом идейно сплачивали разнородное содержание альманахов. И это, наряду с другими организационными и структурными признаками (наличие редколлегии, оплата труда сотрудников, принципиальная нацеленность на отечественную, а не на переводную словесность), сближало «Полярную звезду» с изданием журнального типа.

Еще одна функция программных литературно-критических выступлений в журналах связана с публикациями, предметом которых является сама критика. В журнальном контексте данные материалы выражают не только внутреннюю потребность критики в саморегуляции, но и системно представляют аудитории конкретные задачи и прогнозируемые пути их решения в литературно-критических публикациях именно данного печатного органа. Другими словами, они *позиционируют политику критического отдела своего журнала и характер его критического дискурса*: содержание и структуру критических рубрик, жанровую палитру, состав авторов и т. п.

Так, в программном «Письме к Издателю» (Вестник Европы. 1802. № 1), которым в 1802 году открывался «Вестник Европы», Н.М. Карамзин высказал сомнение в целесообразности придирчивой и систематической журнальной критики. Однако, поскольку в объявлении об издании своего предыдущего «Московского журнала» он настаивал на пользе критики и, следовательно, необходимости специального критического отдела, то теперь редактору пришлось мотивировать изменение своей позиции. И он сделал это достаточно

обстоятельно, как всегда рассмотрев вопрос с нескольких точек зрения и изложив в своем программном объявлении новую систему «правил» по отношению к журнальной аналитике.

В психологическом плане, по мнению Н.М. Карамзина, критика невольно может оказывать негативное влияние на тонкую творческую натуру автора: «...Вообрази бедного автора, может быть добродушного и чувствительного, которого новый Фрерон убивает одним словом! Вообрази тоску его самолюбия, бессонные ночи, бледное лицо!.. Не знаю, как другие думают; а мне не хотелось бы огорчить человека даже и за “Милорда Георга”» (Вестник Европы. 1802. № 1. С. 7).

В контексте интересов самой литературы резкая критика также неприемлема, потому что русская словесность еще не слишком богата и разнообразна: «У нас же так мало авторов, что не стоит труда и пугать их» (Вестник Европы. 1802. № 1. С. 8).

Преждевременна критика и с точки зрения логики эволюционного развития культуры, в соответствии с которой достойная литература должна появиться прежде критических суждений о ней: «И не везде ли таланты предшествовали ученому, строгому суду?» (Вестник Европы. 1802. № 1. С. 7).

Сомневается Н.М. Карамзин в способности критики влиять на формирование писательского таланта: «Но точно ли критика научает писать? – вопрошает он. – Не гораздо ли сильнее действуют образцы и примеры? <...>. Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги!» (Вестник Европы. 1802. № 1. С. 7). В этих рассуждениях слышны и отголоски требований классицистических риторик, и размышления Карамзина-писателя, на собственной практике знающего, что «для истинной пользы искусства артист может презирать» не только оскорбительные, но и вполне искренние критические суждения.

Однако редактор дает читателям понять, что совсем отказываться от критики в «Вестнике Европы» он не намерен: «Но если выйдет нечто изрядное, для чего не похвалить? Самая умеренная похвала бывает великим ободрением для юного таланта» (Вестник Европы. 1802. № 1. С. 8). Налицо некая двойственность позиции редактора, что в дальнейшем нашло отражение и в структуре, и в содержа-

нии «Вестника Европы». В новом карамзинском издании, в отличие от «Московского журнала», специальный отдел критики действительности отсутствовал, однако критические тексты, в основном позитивного плана, появлялись достаточно регулярно.

Таким образом, в период становления журнала как типа издания программные выступления были мобильным ресурсом трансформации его типологического формата. Во многом благодаря программным литературно-критическим публикациям возник феномен «толстого» русского журнала, который, будучи в конце XVIII – первой трети XIX века по своей структуре и содержанию литературно-художественным, постепенно становился влиятельным агентом не только культурного, но и общественно-политического дискурса России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подчеркнем, что речь идет об идеале критика. В искусстве же, по справедливому мнению Ю.Б. Борева, неэстетических ценностей нет: «Философское, политическое, моральное, утилитарное в искусстве эстетически одухотворены и предстают как эстетические ценности» [2, с. 27]. Подробнее о содержании и структуре авторского идеала в литературной критике см.: [11, с. 146–152].

² Помимо названной выше работы М.Г. Зельдовича, проблема программирующего потенциала литературной критики рассмотрена в статье того же исследователя «Программность критики и критические жанры» (см.: [6, с. 88–97]).

³ Содержание категории народности в критике 1820–1830-х годов подробно рассмотрено в работе А.С. Курилова (см.: [7, с. 11–20]).

⁴ На лозунговый характер концовок как композиционно-стилистическую особенность литературно-критических статей декабристов указал Б.Ф. Егоров (см.: [3, с. 52–70]).

⁵ Подробное описание содержания журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» дано в работе В.Г. Березиной (см.: [1, с. 64–69]).

⁶ Аналогичной точки зрения на статью А.А. Бестужева как поверхностный беглый обзор предыдущего этапа русской словесности от Нестора до 1820-х годов придерживается А.И. Рейтблат (см.: [10, с. 70–81]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березина, В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX века / В. Г. Березина. – Л. : ЛГУ, 1965. – 112 с.
2. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – М. : Высш. школа, 2002. – 511 с.
3. Егоров, Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стилль / Б. Ф. Егоров. – Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1980. – 318 с.
4. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX века / Б. И. Есин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 288 с.
5. Зельдович, М. Г. В поисках закономерностей: О литературной критике и путях ее изучения / М. Г. Зельдович. – Харьков : Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. – 160 с.
6. Зельдович, М. Г. Программность критики и критические жанры / М. Г. Зельдович // Русская литературная критика: история и теория : межвуз. науч. сб. – Саратов : Сарат. гос. ун-т, 1988. – С. 88–97.
7. Курилов, А. С. Понятие «народность русской литературы» в критике 20–30-х годов XIX века / А. С. Курилов // Филологические науки. – 1993. – № 3. – С. 11–20.
8. Литературно-критические работы декабристов. – М. : Худож. лит., 1978. – 374 с.
9. Очерки истории русской литературной критики. В 4 т. Т. 1. XVIII – первая четверть XIX века. – СПб. : Наука, 2000. – 367 с.
10. Рейтблат, И. А. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / И. А. Рейтблат. – М. : Новое лит. обозрение, 2001. – 336 с.
11. Шильникова, О. Г. Авторский идеал как «движущее противоречие» литературно-критической рефлексии / О. Г. Шильникова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Филология. Журналистика». – 2006. – № 2. – С. 146–152.

PROGRAM OF LITERARY CRITICISM PUBLISHED
AS TYPE FORMING FACTOR “THICK” JOURNAL

(The first article)

O.G. Shilnikova

Introduced the concept of “literary-critical software publishing” magazine. Revealed their role in the production of the concept of artistry, shaping social attitudes, communication strategies editions of the first quarter of the XIX century. Discusses the importance of software texts customize, integrate and conceptualize the context of the log as a single phenomenological space.

Key words: *audience, program texts, literary magazine, literary criticism, a coffee context, function, programming.*